

— Белгородцы своими затылками сближают с трудом лёд

по уезду и следила за состоянием школ.

С 1 января 1923 года обучение в школе второй ступени становилось платным для детей торговцев, рабочих и служащих, получающих ставки выше 9 разряда. Плата для рабочих составляла $\frac{1}{20}$ часть содержания, что в среднем составляло 400 рублей.

Положение постепенно налаживалось благодаря неравнодушным жителям. В заметке «Хотим помочь школе» крестьянин рассказывает, как родительский комитет из слободы Шопино решил «поставить дело обучения детей, чтобы те не остались тёмными»:

«Зная, что наше государство сейчас не располагает большими средствами, мы начали искать средства своими путями. Организовали культпросвет, оборудовали сцену в пустующем здании школы, организовали театральный кружок из местных крестьян. Все сборы от постановки спектаклей будут обращены на покупку учебников и др. школьных принадлежностей».

Но оставались школы «такие, как, например, в Болховце, где нет ни рам, ни стёкол, полы рубятся». Лучше себя чувствовали школы при заводах в Шебекине и Ново-Таволжанке.

С сентября 1920 года в Белгороде работает ремесленная школа:

«Занятия происходят как теоретические, так и практические. Преподаются ремёсла: кустарное, токарное и ремесленное. Занятия в настоящее время идут в две смены. Главным тормозом в работе является недостаток тетрадок и чертёжных принадлежностей. Ознакомившись с состоянием школы, рабочие постановили произвести однодневное отчисление из мартовского оклада в пользу школы».

В статье «В новой школе» опубликовано обращение Отдела народного образования о новых правилах, кото-

варсуда разбираюсь дело по обвинению председателя сельсовета Хутора Хреново, Мелиховской волости, гр. Наседкина и растрате 20 пудов общественного хлеба.

рые помогут избавиться «от остатков буржуазной школы»:

во-первых, «изъять из употребления в школе такие выражения, как «господа», «гимназия», «экзамен», заменив их соответствующими выражениями настоящего времени: «граждане», «школа», «репетиция»;

во-вторых, «звестить объявление с учащимися в корректной форме, обращаясь с ними на «вы», особенно в старших группах, и также следить за тем, чтобы учащиеся не позволяли некорректных обращений к товарищам и школьным работникам»;

в-третьих, «отметки», как явление, признанное нецелесообразным даже педагогами старой школы, не должны иметь места в школе, оценка познаний учащегося должна выражаться краткой характеристикой его познаний и поведения».

РЕЛИГИЯ

Большой вопрос встал между религией и образованием. Когда школьное дело налаживалось, здания школ ремонтировали, занятия становились регулярными, появились какие-то учебники, оставалась одна беда — «в школах сидят «старые» учителя да учительницы»:

«Смотришь иногда, — пишет **Т. Фис** из с. Томаровки, — что детям твоим пора в школу идти, а они дома бегают. «Почему до сих пор в школу не идёте?» — спрашиваю их. «Сегодня праздник», — отвечают дети. — «Какой праздник?» — «Казанская». — «Ну и что же?» — «Занятий в школе нет!».

По словам товарища Фиса, такое повторяется часто, ведь у многих попов дочери — учительницы, которые не забывают про церковные праздники:

«Нам нужно учить и учиться. До сего времени мы не имеем полной возможности обслужить жажду знаний. Нам нужно нагонять потерянное вре-

мя. Если эти праздники не урежут-ся на 100%, то потеря времени на разных там «Казанские» узаконится и войдёт в обычай. Нужно, чтобы во-исполком проследил за нарушителями советских законов. Школы открыты не для учителей-ханжей, а для детей, которые должны быть грамотными во что бы то ни стало».

В газете осуждают религию и все её проявления, а церковных служителей выставляют жестокими, глупыми и жадными. В публикации «Погребение богов» автор рассуждает о рождественских праздниках и верующих, которые отмечают их по инерции, «потому что верили отцы и деды»:

«Рождество являлось для большинства так называемых верующих попросту дряхлым бытовым пережитком, лишённым всякого содержания. Поэтому борьба с Рождеством как с идеей должна была быть направлена не по пути упразднения самого праздника, а по пути организации празднований в такой форме, чтобы видна была его голая бытовая сторона, лишённая всякой религиозной обрядовой шелухи».

По словам автора, праздник был важен как повод отдохнуть, а обрядовую сторону навязала церковь. Поскольку не было мест для развлечения, у тружеников не осталось выбора, кроме как пойти в церковь. Но теперь у людей появился выбор:

«Церковь устраивала крестные ходы. Комсомольцы устроили шествие по городу. На религиозных «ходах» пелись религиозные гимны. На комсомольском шествии также пелись гимны, только революционного и антирелигиозного характера».

Крестьянин **А. Панкратов** в заметке «Боятся призраков мертвецов» пишет о том, как в Старгородской волости решали создать усадебный фонд и не знали, где землю взять.

нимыго не подчиняются. Оттой пераабирки когаче, ппкой работы ожидать не приходится. Но вот в начале этого года избрали поляя президиум. Ра-

шней: Брось вечерушки и ляски! Почаще ваходи в пазу—чтэ дэно врожениаде сама и просвещай стариков».

А. Сиряев.

Долго спорили, но «нашлись, однако, крестьяне, знакомые с советскими законами, и убедили собрание забрать «поповские» усадьбы и наде-лать землёй в первую очередь нуждающихся... Аль забыли, что советские законы не признают «церковных владений».

Попов выставляют жестокими людьми, готовыми отобрать хлеб у детей. В заметке «Глаза завидующие, руки загребущие» описывается случай в селе Муром. Там местный псаломщик **Рыжков** «под особым чувством душевных томлений за судьбу этого грешного мира» пришёл в дом крестьянина **Дмитрия Хадеева** пока дома были только дети пяти и восьми лет:

«Олеянулся по хате псалмопевец. Пустовато, на полке лежит один каравай (пирог) хлеба. Взял костьль, сковырнул хлеб, схватил под мышку и пошёл дальше».

Но конец у истории счастливый: крестьянин догнал псаломщика, забрал хлеб и покормил детей.

ПЬЯНСТВО

Главными пьяницами того времени выставляли тоже попов:

«Дни рождественских святок прошли в Тавровском совхозе очень «весело». Среди рабочих совхоза беспрепятственно расхаживал пьяный поп, конечно с крестом в руках. За ним тащилась подвода, нагруженная доверху хлебом, мясом и бутылками с самогоном».

В другой заметке описывается, как сильно поп развеселился от самогона:

«На первый день рождества священник села Красное развеселился так, что председатель и секретарь ВИКА, случайно зайдя в его дом, застали на столе не только закуску, но и самогон. В момент прихо-

в числе задержанных оказался: Велых Василий Павлович, Фе-

Публикации газеты «Трудовой день» (20-е годы XX века)

да этих неожиданных гостей пьяный поп танцевал с бутылкой самогона в руке».

Регулярно на страницах газеты появляются отчёты о борьбе с самогонщиками, фельетоны, высмеивающие пьянство, и заметки, призывающие каждого бороться с этим явлением:

«Не время теперь заниматься глупыми, пьяными развлечениями! Нужно строить, созидать и учитывать каждый пуд хлеба, который вы прогоняете через самогонные аппараты! Не к лицу это гражданам Советской Республики!».

Каждая волость отчитывалась о работе в этом направлении.

«В Масловской, Никольской, Старгородской и Пушкарской волостях борьба ведётся очень успешно, — сообщает газета. — От Муромской, Шебекинской, Томаровской, Карповской, Болховецкой, Сабынинской и Мелиховской сведений нет. Висловский, Толоконский и Бессоновский волысполкомы ограничились лишь присылкой протоколов, считая тем самым работу законченной. Ох, закончили ли они борьбу! Сомневаемся. Эту борьбу нельзя заканчивать, ибо ослабим её — завтра опять разовьётся самогон. Жать, жать и ловить самогонщиков до последнего — вот какой должен быть борьба с самогоном!».

В подписной кампании упор делают на то, что «кто до сих пор во вред себе тратил большие деньги на самогон, тот должен обязательно заставить себя выписывать газету «Трудовой день». Даже в том, что школы находятся в плохом состоянии, виноват пьянство:

«Скверно отнеслась к школе Топлинка, где население более внимание уделяет самогону, чем школе».

Так, судя по публикациям газеты «Трудовой день», жили белгородцы 100 лет назад. БП